

ВООБРАЖАЕМЫЙ ШОВ МЕЛАНХОЛИИ*

АЛЕКСЕЙ ТКАЧЕВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

психоанализ, топология, меланхолия, Лакан, лента Мебиуса, кросс-кап, *verwerfung*, объект а.

Магистр программной инженерии, психоаналитик Школы психоанализа Фрейда-Лакана.

Адрес: Большой пр. Петроградской стороны, д. 18, лит. А, 197198, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: imsiral1@mail.ru

Желание изобразить психические процессы в графическом виде присуще психоанализу еще со времен самого Фрейда. Выявляемые Фрейдом структуры человеческой психики были связаны между собой чрезвычайно запутанным образом, к тому же характер этих связей постоянно менялся от этапа к этапу протекания невроза. Первая теория психического аппарата основывалась у Фрейда на пространственном расположении систем сознания, предсознательного и бессознательного. Для того чтобы зафиксировать структурные отношения между ними, Фрейд прибегал к топическим размещениям.

Анализ размещения (*analysis situs*) — именно так Лейбниц назвал то, что в итоге станет топологией. В самом общем виде это раздел математики, изучающий отношение пространственных образов и законов связности их структур, независимо от отношений мер и величин. Топологию интересуют пространства, остающиеся неизменными при непрерывных деформациях, что характеризует ее особую оптику, которую Лакан подхватывает вслед за Фрейдом для представления своей знаменитой третьей топикой — воображаемое, символическое, реальное.

Однако в лакановской теории топологии отводится гораздо более значимое место, чем вспомогательному инструментарию, служащему для построения поясняющих текст изображений. Лакан делает на нее ставку как на то, что при передаче знания способно преодолеть противоречие между синхронией языка и диахронией речи: топологические фигуры никогда не теряют свои края и дыры и не приобретают новых, единственное что может изменить их — это разрез, который Лакан интерпретирует как аналитический акт.

Меланхолия в анализе до сегодняшнего дня остается открытым вопросом. Сложность его разработки начинается с Фрейда: в «Я и Оно» Фрейд говорит об идентификации с мертвым Отцом, в «Скорбь и меланхолия» об идентификации с объектом. Для того чтобы выявить отличия меланхолической структуры от психотической и невротической, в данном исследовании мы пойдем по пути, проторенным Лаканом в «О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза», построив топологический объект, наглядно представляющий меланхолию в лакановской теории.

* Иллюстрации к тексту подготовлены Александром Харьковским.

Это искусство позволит вам созерцать различные сочетания из двадцати трех букв...

Роберт Бертон «Анатомия Меланхолии»

ТОПОЛОГИЯ

В данной работе нас прежде всего интересует то, как пользуясь лакановским аппаратом, меланхолию можно изобразить в виде графа, или, перефразируя Лакана, придать форму интуитивному («О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза» (1958) (Лакан 1997, 121)). Для этого приложим к результатам многолетних наблюдений за меланхолией топологический инструментарий позднего Лакана и с помощью последовательности логических — и в большей степени топологических — выводов совершим попытку реконструировать устойчивую картину меланхолического субъекта.

В качестве предпосылки и отправной точки изысканий выступает одно предположение. Оно заключается в том, что нарциссический образ меланхолика тяготеет к исчезновению с поверхности Воображаемого регистра и необходимо встречается с невозможностью быть на ней размещенным, т. е. буквально проваливается в дыру. Это предположение основано на утверждении Лакана из X семинара: меланхолик вынужден пройти сквозь нарциссический образ $i(a)$, чтобы достичь *объекта a*, с которым он справиться не в состоянии, и чья пропажа толкает его на самоубийство (Лакан 2010, 417). Совпадение акта самоубийства и прохождения сквозь образ, укрывающий объект, в синхронической перспективе приводит нас к поиску особого размещения *объекта a* в фантазме меланхолического субъекта.

Разработку этого предположения следует начинать из практики, а точнее из того места, где меланхолик говорит о себе — в речи, устроенной по образцу речи исповедальной, когда субъект объясняет то, в чем он виноват и в чем его проблема. В ответ на вопрос, почему он чувствует вину, меланхолик заявляет, что он ничтожество, отброс (Фрейд 2014а, 246). Такое самоуничижение выступает в роли обоснования того факта, что другой его не хочет и не обращает свой взгляд прямо на него. Взгляд Другого предстает для меланхолика как нечто скользкое и не задевающее его сущности и опознается им в виде взгляда, старающегося не зацепить отброс. И тогда субъект, держащий речь о собственной несостоятельности, обращенную к тому, кто должен его хорошенько разглядеть (например, к аналитику), предлагает поискать там, где находится отброс, попутно требуя этот отброс возжелать. Естественно, такое чаяние обречено на неудачу.

Иными словами, меланхолический субъект силится связать одолевающую его вину с тем фактом, что другой знает о его присутствии, но при этом не тропится его возжелать. Решение, которое меланхолик находит, выливается в процесс идентификации с отбросом, как с тем, что занимает место слепого пятна в желании Другого.

Интересно отметить, что такое описание довольно точно соответствует расхожей картине меланхолии в современной культуре, где одинокий субъект находит себя в безутешной тоске, окруженным снующими туда-сюда людьми с одинаковыми лицами. Они вовлечены в свои ежедневные погони, и никому из них до субъекта нет совершенно никакого дела.

ОТБРОШЕННОЕ ОТБРАСЫВАНИЕ

Теперь подробнее о том, какова позиция меланхолика в речи и какое место он занимает в поле Большого Другого. Здесь мы последуем за Лоренцо Кьеца и используем метод, который он представил в курсе семинаров «Лакан и Кафка» (Кьеца 2017). Его концептуальная схема предполагает занятие субъектом позиции относительно того, что Другой знает и не знает в силу своей непоследовательности, нецельности (*inconsistency*). Чтобы продвинуться в этом направлении, присовокупим к изложенному выше еще один постулат, который гласит: единственное, что взгляд ни при каких условиях не способен разглядеть, это то, что находится в месте, которое он сам занимает. То есть это тот взгляд, что не может себя разглядеть, или знание, которое не знает само себя.

Согласно Кьеца, в случае психотической структуры субъект занимает позицию незнания Другого, единственную позицию, из которой ни при каких обстоятельствах не видно незнания Другого. И соответственно, все, что из нее возможно наблюдать, это знание Другого. В психозе такая позиция субъекта обладает еще одной чрезвычайно важной модальностью: она локализована в месте прибавочного наслаждения Другого, месте, причиной существования которого служит *объект а*. Отсюда паранойя — от Другого не спрятаться, потому что он знает и при этом бесконтрольно наслаждается субъектом.

В меланхолическом случае идентификация с *das Ding* соотносится с пребыванием в той же позиции в отношении знания Другого, что и в психозе. Здесь усматривается действие механизма отбрасывания (*Verwerfung*) (Лакан 1997, 126) — отвержения элемента из Символического порядка, как будто бы он никогда не существовал, — свойственного психотической структуре, который тем не менее срабатывает совершенно другим образом. Ключевое отличие отправляется как раз по инстанции прибавочного наслаждения. Для меланхолика наслаждение Другого располагается в принципиально иных координатах, где-то в периферической дыре, той, которая задает и обрамляет принцип диспозиции знания. Поэтому обвиняя себя во всех смертных грехах, меланхолик не испытывает чувство стыда (что согласуется с выкладками Фрейда в работе «Скорбь и меланхолия»), которое всегда неразрывно связано с наслаждением Другого (Фрейд 2014а, 247).

Всеобъемлющее и незыблемое, с такой точки зрения, знание Другого для меланхолического субъекта есть закон застывших следов, артефакт, лишенный агрессии, но от этого не менее настоящий в своем присутствии. Следствием такого положения вещей оказывается структурная невозможность встречи меланхолика с инаковым. Свободное метонимическое скольжение означающих,

как это происходит в мании, пристегивает то, что могло бы стать новым и неожиданным для него, к уже существующей предзаданной системе различений. В этом смысле его дискурс не имеет границ, что позволяет ему искусно выписывать узоры редкой красоты и сложности, в свою очередь узнаваемые другим в качестве метафор. То, что говорит и пишет меланхолик, другой воспринимает как метафору конкретного значения, хотя само это значение может быть не доступно меланхолику как объект из другого измерения. Судя по всему, акт разбиения «зеркальной поверхности» позволяет меланхолику обнаружить линию границы, которую он и решается преступить, совершая самоубийство.

Тавтологические формулы, которыми обозначают регрессию в меланхолии, «желание желать» и «утрата утраты» могут быть восстановлены в расширенной форме. Если мы расставим аргументы в предназначенные им позиции в функциях, получим: субъект желает образ желания объекта, или субъект утрачивает образ утраты объекта. Так меланхолический нарциссизм выражается в попытке обретения образа невосполнимо потерянного места, того самого, что не без *объекта а*. Сказанное справедливо не только для воображаемого регистра, так как нарциссический ритуал *das Ding* оказывается подчинен символической жертве, связанной с Именем Отца (Laurent 1988). Ту ужасающую пустоту, которую меланхолик обнаруживает, обращаясь к объекту, влечет за собой отсутствие означаемого в том месте, где должна срабатывать метафора Имени Отца.

В этой перспективе к вопросу особых отношений с объектом можно подойти с двух сторон. С одной стороны, есть логика функционирования *объекта а*, для которой оказывается утрачен сам меланхолик. С другой, есть утрата, которая выступает не в виде чего-то, что с объектом происходит, а в виде элемента уже вписанного в объект. Если представить диалектику присутствия/отсутствия объекта (например, материнской груди как орального объекта) в виде пунктирной линии, где пробел между черточками есть фрустрация, связанная с фактом отсутствия, то меланхолический субъект в данной модели будет иметь дело с постоянно возвращающейся фрустрацией «более высокого порядка», с пустотой листа бумаги как с дырой, в которую вложена вся пунктирная линия целиком, все черточки и пробелы. Это Fort с большой буквы; предел последовательности бесконечного ряда повторяющихся fort («fort, fort, fort...») (Мазин 2017)); ряд, сходящийся в означаемом ничто; явление, сказывающееся в особом выворачивании фантазма.

ОТ ЛАКАНА

Для того чтобы ввести топологические объекты в дискурс и придать психоаналитический смысл поверхностям, разрезам и дырам, поворот к топологии начнем с возвращения к работе «О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза».

Перед тем как обратиться к сложным топологическим объектам, рассмотрим их проекции на плоскость. В таком виде проще ввести инстанции, кото-

рыми Лакан оперирует на протяжении данной работы, и закрепить их буквенные обозначения на основании принципа их взаимного отношения.

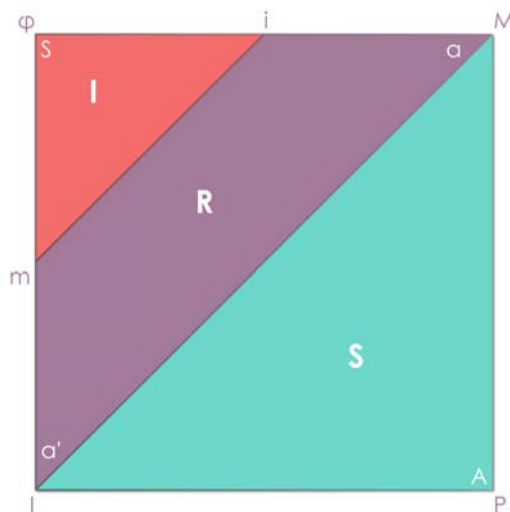

Рис.1. Схема R

Начнем со *схемы R* (рис. 1), служащей наглядным изображением фантазма (Лакан 1997, 107). На ней выделяются два треугольника — один в поле Воображаемого, другой в поле Символического. Вершины этих треугольников (воображаемого — с вершинами i , m , ϕ (S), и символического — с вершинами M , I , P) расположены в интересующих нас инстанциях, обязанных своим образованием эффектам стадии зеркала. Вступление субъекта в игру означающих создает в нем структуру из трех элементов: мое я (идеальное я, эго), реальность и сверх-я (супер эго), в то время как преждевременное рождение субъекта разрешается в разрыве, «отчуждающем человеческое животное от собственного образа» (ibid., 106). Таким образом две инстанции оказываются выделены из поля воображаемого, i ($i(a)$, image) и m (moi) — эго и его зеркальное изображение.

Поле Реальности R сохраняется благодаря расположению третьей вершины воображаемого треугольника — S , субъекта как живого существа, — в месте фаллического образа ϕ , что держит всю конструкцию в определенном соответствии символическому треугольнику. Отметим, что сложность этого соответствия задается мебиусным характером поля реальности, что и явилось двигателем наших топологических изысканий.

Основание символического треугольника покоится на точках M (означающее первичного объекта) и I (Я-идеал), а третья вершина P — позицию, которую в Другом (A) занимает Имя Отца. Выкраиваемое между основаниями треугольников поле реальности — поле размещений идентификаций эго (отрезки Sm , $Sa'_{1'}$, $Sa'_{2'}$, ..., $Sa'_{n'}$, SI), от первичного зеркального образа до Я-идеала

в отце, относительно эротической агрессии фигур воображаемого Другого (отрезки S_i , S_{a_1} , S_{a_2} , ..., S_{a_n} , S_M) (ibid., 107).

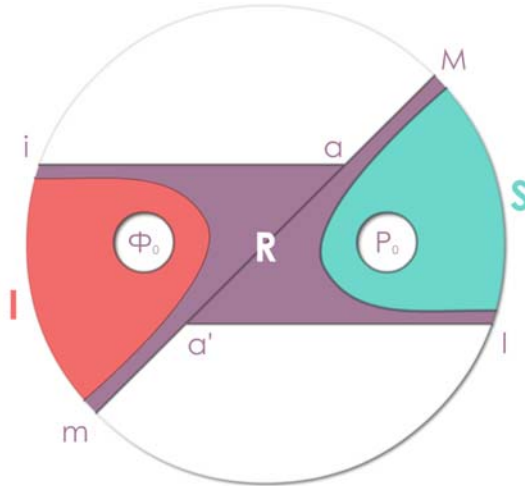

Рис. 2. Схема I

Теперь двинемся к *схеме I* (рис. 2), на которой Лакан располагает геометрические точки *схемы R* в размещении, соответствующему психотическому процессу (ibid., 121). В первую очередь здесь нас интересует появление двух дыр в полях Воображаемого и Символического, Φ_0 и P_0 соответственно. Дыра P_0 иллюстрирует тщетную попытку призыва Имени Отца, результат действия указанного нами ранее механизма отбрасывания (*Verwerfung*), т. е. отсутствия первоначального суждения атрибуции (*Bejahung*), данного в противопоставлении механизму отбрасывания в качестве суждения существования (ibid., 110). Так, не срабатывающая метафора Имени Отца, не подставляющая это имя на место, изначально символизируемое материнским отсутствием, провоцирует пустоту Φ_0 на месте фаллического значения в Воображаемом.

Поле Реальности на *схеме I* — продукт работы психотического бреда, восстановленная реальность, занимающая место, образованное разрывом полей Воображаемого и Символического. В этой области, согласно исследованию Жана Мишеля Вапперо, представленному на семинаре «Паранойя и лечение психоза», располагается еще одна «дыра» в виде разреза aa' , дыра наиболее близкая к Реальному — бесконечная прямая (Вапперо 2016). На построенной Вапперо *схеме I* в виде ленты Мебиуса (рис. 3) (о причинах подобного построения подробнее будет сказано в следующем параграфе) дыра aa' представлена в виде периферийной дыры этой ленты, так что ее край, т. е. *объект a* как разрез, проходит по полю психической Реальности. Этот факт соответствует нашим предыдущим выводам о расположении прибавочного наслаждения Другого в психотической структуре.

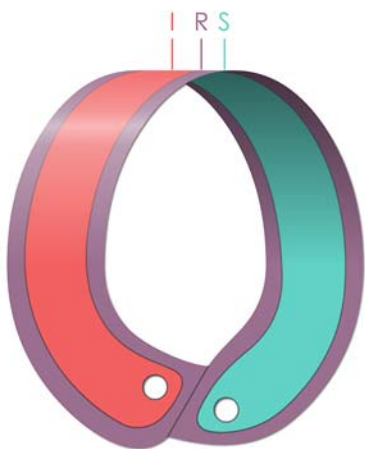

Рис. 3. Схема I (построение Вапперо)

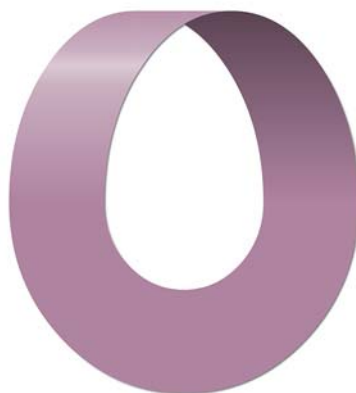

Рис. 4.

ТОПОЛОГИЯ

Далее обратимся к четырнадцатому комментарию к работе «О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза», датированному 1966 г. В нем Лакан, представляя истинное обличье своей *схемы R*, использует ленту Мебиуса (рис. 4) — фигуру со всего лишь одной поверхностью, которую при этом невозможно представить в двух измерениях: только при добавлении третьего она становится возможной для построения (ibid., 133–134). Эта фигура была бы чрезвычайно простой (всего одна непрерывная замкнутая поверхность, один край, одна дыра), если бы не одна труднодостижимая особенность: хоть на общем плане и понятно, что поверхность на ленте только одна, создается впечатление, что каждой ее точке соответствует другая точка, находящаяся как бы «с другой стороны». Это заблуждение, являющееся в сущности иллюзией внешнего и внутреннего, также распространяется и на единственную в построении дыру — не очевидно, то ли лента в дыру вложена, то ли лента дыру опоясывает (Ткачев, 2017).

Ниже представлен один из способов получения трехмерного представления *схемы R* путем нанесения на ленту замкнутого разреза. Это не единственно верный способ построения, однако наиболее соответствующий логике нашего исследования.

На полученной сцене расположим *объект a* в виде характерного замкнутого разреза (Лакан 1997, 133) (рис. 5). Его особенность заключается в том, что он не пересекает край ленты. Такой разрез трансформирует одностороннюю ленту с одной складкой в двустороннюю ленту с двумя складками и двумя краями. В случае же разомкнутого (открытого) разреза лента Мебиуса распалась бы на ничем не примечательный двусторонний лоскут (в форме обычного прямоугольного листа).

Рис. 5.

Рис. 6.

Руководствуясь указаниями из того же комментария, обозначаем полученные поверхности буквами **S** и **I** — Символическим и Воображаемым регистрами соответственно. Разведем в пространстве края поверхностей, чтобы наглядно убедиться в том, что лента обзавелась второй стороной, а также, что проекция на плоскость траектории разреза **a** выписывает внутреннюю восьмерку (рис. 6).

Для того чтобы *схема R* предстала нам в законченном виде не хватает лишь самой поверхности **R** — психической реальности Фрейда (рис. 7). Здесь следует оговориться: воспроизведенная последовательность построения не предполагает за собой онтогенетической нагрузки. Иными словами, это не значит, что наличие мебиусной поверхности исторически предшествует вмешательству *объекта a*, или что поля воображаемого и символического есть «останки» разделенной фигуры. Наоборот, мебиусный характер поля может быть выявлен исключительно благодаря выделению из него разреза, который служит ему обрамлением. Учтя этот факт, продолжим двигаться от конца к началу, возвращая ленту Мебиуса в построение в виде поверхности **R**.

ВООБРАЖАЕМЫЙ ШОВ МЕЛАНХОЛИИ

Чтобы получить компактную картину меланхолии, осталось только сложить два и два — представить меланхолию в виде топологического объекта. Начнем с отброшенного Имени Отца, с того, что роднит меланхолию с психозом, и что отразится на сходстве нашего построения со *схемой I*. На *схеме I* позиция, в которую призывается Имя Отца в Другом, обозначена как P_0 , где 0 символизирует неудачу призыва. P_0 — это пустота, которая «самим отсутствием эффекта метафоры спровоцирует появление такой же дыры вместо фаллического значения» (ibid., 111). Исходя из уже выясненного нами, можно предположить, что эта вторая дыра Φ_0 на месте воображаемой функции символического фаллоса — та самая, в которую в случае Шребера «убийство душ» поместило

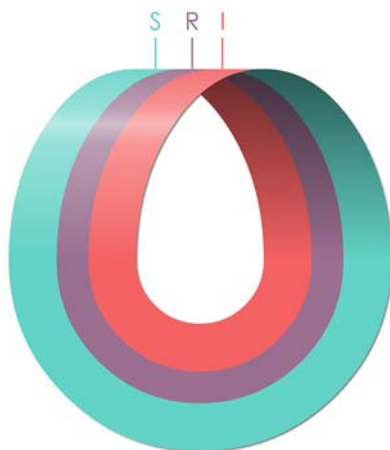

Рис. 7. Схема R (в виде ленты Мебиуса)

смерть (ibid., 121), — является по совместительству центром притяжения для воображаемого образа меланхолического нарциссизма.

Продолжая следовать логике нашего изыскания, разместим *объект a* в построении, предварительно определив его положение относительно психической Реальности. На *схеме R* область реальности исключает *объект a*, при этом будучи обязанной ему существованием, поскольку занимает место, которому разрез служит обрамлением. Для нашего построения такое размещение не подходит, так же как не подходит и размещение из представленной в виде ленты Мебиуса *схемы I*, где ставший открытым разрез пересекает область реальности. Исходя из выкладок о радикальной экстернализации прибавочного наслаждения Другого для меланхолического субъекта, требуемым расположением положим такое, при котором разрез не пересекает и не касается поверхности **R**, оставаясь при этом несущим элементом конструкции и сохраняя свою мебиусную структуру.

К счастью, в лакановском аппарате наличествует фигура, обратившись к которой мы сможем найти размещение, удовлетворяющее нашим требованиям. Рассмотрим кросс-кап (рис. 8) — бескрайнюю неориентируемую поверхность, чье внешнее и внутреннее не могут быть различены (Вапперо 2016). Такая фигура обычно представляется в виде особым образом «сплюснутой» сферы, так что в критическом месте ее поверхность проходит сквозь саму себя.

Здесь нас интересует диспозиция, которую Лакан предлагает в виде начального условия для получения кросс-капа: линия без внеположенных ей точек, дополненная одной такой внеположенной точкой. Линия без внеположенных точек есть не что иное, как линия мебиусного разреза, поскольку любая точка, лежащая по одну сторону от нее, должна лежать и по другую, что в свою очередь означает, что точка лежит нигде. Если мы все же решимся добавить внеположенную точку в эту картину, она необходимо внесет возмущение,

Рис. 8.

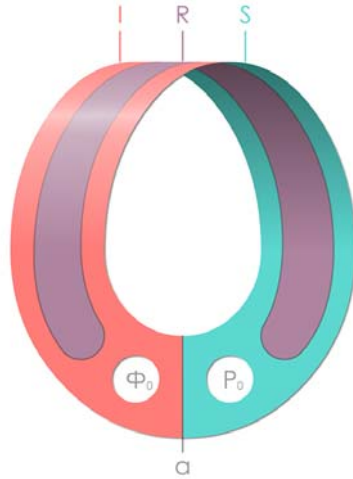

Рис. 9. Схема V

которое не позволит такому построению быть легитимно репрезентированным в трехмерном пространстве (что объясняет странное самопересечение поверхности кросс-капа в трехмерном изображении). Наконец, кросс-кап получается проведением двух операций — растягиванием точки до диска (для нас точка, диск и сфера с выколотой точкой абсолютно эквивалентны, так как фигуры в топологии растягиваются и сжимаются в неограниченных пропорциях) и сшиванием края этого диска с имеющейся линией мебиусового разреза (Lacan 1973, 27).

Но мы не будем спешить брать иголку с нитками в руки, ведь самым ценным этапом процесса для нас оказывается момент, когда мебиусный разрез и поверхность диска не соприкасаются, что четко отвечает предъявленным нами требованиям к взаиморасположению разреза a и поля Реальности, если мы соответственно их обозначим.

Чтобы получить итоговую схему, осталось собрать воедино все вычисленные нами разрозненные элементы картины: Φ_0 — дыру в воображаемом на месте фаллического значения, повлекшую ее дыру в символическом P_0 — результат неудачи призыва метафоры Имени Отца, объект a в виде мебиусового разреза и внеположенный ему диск психической реальности R (рис. 9).

Максима полученной схемы V — репрезентация меланхолического субъекта в момент перед суицидом. В акте самоубийства расщепленное Я (одна реализация которого интроецирует в себе утраченный объект, в то время как другая неистовствует против первой) находит место, в котором оно может совпасть само с собой, — дыру, означенную пустотой смерти. Через уничтожение собственного образа субъект прорывается в пространство, где виртуально может свершиться месть объекту, когда-то отбросившему тень на Я (Фрейд 2014б, 195).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Lacan J. (1973) «L'Étourdit». *Scilicet*. № 4. P. 5–52.
- Laurent É. (1988) «Melancholia, the Pain of Existence and Moral Cowardice». *Ornicar? Bulletin périodique du Champ freudien*. № 47. P. 5–17.
- Вапперо Ж.-М. (2016) «Паранойя и лечение психоза: Паранойя. Подход к возможному лечению психоза с опорой на понятие нарциссизма. Часть 2». Семинар в Культурно-просветительском центре «Архэ» 11–12 июня 2016 г. (Опубликовано: 16 ноября 2016 г.) *Центр Архэ*. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=3463&v=5QYs3AypN3k
- Лакан Ж. (1997) «О вопросе, предваряющем любой возможный подход к лечению психоза». Лакан Ж. *Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда*. М.: Русское феноменологическое общество; Логос. С. 88–136.
- Лакан Ж. (2010) *Семинары*. Книга 10. *Тревога (1962–1963)*. М.: Гнозис; Логос.
- Ткачев А. (2017) «Просто берданка. Об одном разрезе». *Лаканалия*. № 24. *Протез-разрез*. С. 32–35.
- Кьеза Л. (2017) «Лакан и Кафка». Часть 1. *Лаканалия*. № 25. *Крысы!* С. 52–59.
- Мазин В. (2017) «Скорбь, меланхолия, Гамлет». Конференция «Меланхолия» в Музее сновидений Фрейда 8 апреля 2017. (Опубликовано: 23 апреля 2017 г.) *Музей сновидений Фрейда*. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hSfp5SiKB1g>
- Фрейд З. (2014а) «Скорбь и меланхолия». Фрейд З. *Малое собрание сочинений*. М.: Азбука. С. 243–260.
- Фрейд З. (2014б) «Психология масс и анализ человеческого “Я”». Фрейд З. *Малое собрание сочинений*. М.: Азбука. С. 159–228.

IMAGINARY SEAM OF MELANCHOLY

Alexey Tkachev

*Master of Software Engineering, Psychoanalyst at the Freud-Lacan Psychoanalysis School.***Address:** 18A Bolshoy Prospekt of Petrograd Side, St. Petersburg 197198, Russia.**E-mail:** imsiral1@mail.ru**KEYWORDS:** *psychoanalysis, topology, melancholy, Lacan, Moebius strip, cross-cup, verwerfung, object a.*

The intention to describe graphically the psychic process is appropriate for psychoanalysis from the times of Freud himself. The human mentality structures revealed by Freud were ultimately entangled with each other, besides, the character of their interconnections suffered permanent modifications from one to another stage of progress of neurosis. The first Freud's theory of psychic apparatus was based on the spatial disposition of consciousness systems, namely preconscious and unconscious. To pinpoint the structural relationship between them, Freud applied topical situses.

For “analysis situs” was the very term by which Leibnitz called what had to eventually become topology. In the most general way, it is a branch of mathematics studying the relationship between spatial images and law of connectivity of their structures regardless of the relations between measures and values. The topology concerns with spaces remaining unalterable at

permanent deformations. This distinguishes its specific optics which Lacan takes up after Freud in order to represent his famous three topics — imaginary, symbolic, real.

Nevertheless, in Lacan's theory, much more significant place is allocated to topology than that of an auxiliary toolkit serving for framing images to clarify the text. Lacan makes his bet on it as on something able to overcome the contradiction between the synchrony of language and the diachrony of speech in the course of translation of knowledge. For the topological figures never lose its margins and holes, as well as they do not acquire those new, and the only thing able to modify them is "the cut", which Lacan interprets as an analytic act.

By now, the melancholy remains a pending issue. The complexities of its development take origin from Freud: in "The Ego and the Id" he speaks on identifying with the dead Father, and in «Mourning and Melancholia» on identifying with the object. To detect the difference between the melancholic structure and psychotic and neurotic ones, in the present research we will follow Lacan's approach in "On a Question Prior to any Possible Treatment of Psychosis", while framing a topological object which evidently represents the melancholy in Lacan's theory.

REFERENCES

- Chiesa L. (2017) "Lacan and Kafka". Part 1. *Lakanaliya*. № 25. *Krysy!* [Lacanalía. No. 25. Rats!]: 52–59. (in Russian).
- Freud S. (2014a) "Trauer und Melancholie". Freud S. *Maloe sobranie sochinenii* [Minor collected edition]. Moscow: Azbuka: 243–260. (in Russian).
- Freud S. (2014b) "Massenpsychologie und Ich-Analyse". Freud S. *Maloe sobranie sochinenii* [Minor collected edition]. Moscow: Azbuka: 159–228. (in Russian).
- Lacan J. (1973) "L'Étourdit". *Scilicet*. No. 4: 5–52.
- Lacan J. (1997) "D'une question préliminaire à tout traitement possible de la psychose". Lacan J. *L'instance de la lettre dans l'inconscient ou la raison depuis Freud*. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo; Logos: 88–136. (in Russian).
- Lacan J. (2010) *Le Séminaire*. Livre X. *L'angoisse* (1962–1963). Moscow: Gnozis; Logos. (in Russian).
- Laurent É. (1988) "Melancholia, the Pain of Existence and Moral Cowardice". *Ornicar? Bulletin périodique du Champ freudien*. No. 47: 5–17.
- Mazin V. (2017) "Skorb', melankholiya, Hamlet" [Sorrow, Melancholy, Hamlet]. Konferentsiya "Melankholiya" v Muzee snovidenii Freida 8 aprelya 2017. (Opublikovano: 23 aprelya 2017 g.) [Conference in the Freudian Museum of Dreams, April 8, 2017. (Published April 23, 2017)] *Muzei snovidenii Freida* [Freud's Dream Museum]. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=hSfp5SiKB1g> (in Russian).
- Tkachev A. (2017) "Prosto berdanka. Ob odnom razrez" [Simply a Berdan rifle. On a single cut]. *Lakanaliya*. № 24. *Protez-razrez* [Lacanalía. No. 24. Prosthesis-Cut]: 32–35. (in Russian).
- Vappereau J.-M. (2016) "La paranoïa et le traitement de la psychose: Le crime paranoïaque et le traitement contingent de la psychose par l'exercice pratique du narcissisme. Partie 2". Seminar v Kul'turno-prosvetitel'skom tsentre "Arkhe" 11–12 iyunya 2016 g. (Opublikovano: 16 noyabrya 2016 g.) [Seminar in the Cultural and Educational Center "Arche", June 11–12, 2016. (Published November 16, 2016)]. *Tsentr Arkhe* [Center Arche]. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?time_continue=3463&v=5QYs3AypN3k

ESSE: Studies in Philosophy and Theology. Vol. 3. No. 2. 2018. P. 51–62.

© Alexey Tkachev, 2018